

Видя, как ручки братишки опускаются всё ниже, Суй Чжунь почувствовал во рту сильный привкус крови.

Нет...

Хлоп.

На тело опустилось тепло.

Братишка подтянул одеяние до самого их подбородка, после чего с чувством полного удовлетворения похлопал его:

— Роды закончились, спи давай! Спать хочется...

Затем коротышка крепко обвился вокруг Суй Чжуна всеми четырьмя конечностями, и не прошло и трёх секунд, как раздалось его старушечье сопение.

Суй Чжунь: ?

И это всё, роды закончились?

Какое-то время он не понимал, то ли ему радоваться, то ли горевать из-за столь отсталого полового воспитания в древности.

Однако чувство расслабления от чудесного спасения навалилось на него с головой. Не успев подумать ни о чём другом, он совершенно обессилел и провалился в глубокий сон.

На следующий день, едва забрезжил рассвет.

Маленькая фигурка выскользнула из-под одеяла.

Другой человек на кровати всё ещё крепко спал. Он ловко натянул ватные штаны и куртку, подоткнул заспанному соседу краешек одеяла, а затем на цыпочках приоткрыл дверь.

Снаружи стоял туман, и воздух был ледяным. Его покрасневшее от тепла в доме личико вмиг промозило насквозь.

— Как холодно, — пробормотал он, потирая руки, и быстро притворил дверь.

Скрипнула дверь и в соседней комнате.

На пороге показалось иссушенное, почти скелетоподобное лицо с выдающимися, мертвенно-бледными скулами.

— Мам, разве ты не говорила, что свиней и цыплят покормлю я, а ты поспишь подольше? — спросил Тун Сю.

Его матушка, матушка Тун, запахла полы одежды:

— Разве сегодня не твой великий радостный день...

Сказав это, она окинула сына взглядом с ног до головы и тихо произнесла:

— Прошлой ночью... у вас было?

Лицо Тун Сю мгновенно вспыхнуло, став похожим на побитый морозом хурмовый плод.

— Угу, — тихо ответил он, а затем, бросив на ходу: «Я пойду гляну на цыплят», убежал.

Матушка Тун усмехнулась ему вслед:

— Чего стыдиться-то! Уже мужем стал!

А затем с довольным видом забормотала:

— А я ведь говорила, неплох этот громила нам в зятя, верно? Стоит у ворот — ну чисто замарашка, зато высокий и крепкий, наверняка мастер работать до седьмого пота. И впрямь сорвали куш. Нашему Сю-эр в будущем ещё предстоит познать счастливую жизнь...

Тун Сю сделал вид, будто ничего не слышит, и быстрыми шагами направился в дальний угол двора.

В углу стоял ряд бамбуковых плетёных ширм, отгораживавших небольшой треугольный участок — это и был курятник.

Бамбуковая калитка, которая обычно открывалась от малейшего толчка, сегодня упрямо заела.

Смех матушки Тун всё ещё доносился сзади. Тун Сю поджал губы и с усилием толкнул дверцу несколько раз, прежде чем удалось развязать узел.

— Раз, два, три...

Семь цыплят, прижавшись друг к другу, сидели в уголке, и ни один не пропал.

Только тогда Тун Сю успокоился.

Утром роса тяжела, а цыплята ещё крошечные, выпускать их нельзя — промокнешь, и тут же схватишь простуду, как человек.

Эти цыплята ещё даже на ногах толком не стоят, заболеи они — и помирать будут безо всяких шансов.

Тун Сю очень дорожил своими цыплятами, поэтому сразу загнал их в корзину, занёс целиком в кухню и поставил под кухонную плиту.

Затем он принялся возиться с хворостом, кипятить воду и готовить еду.

Цыплёнку рядом будет теплее, а переживёт эту весну — и подрастет.

Огонь разгорелся. Как обычно, Тун Сю зачерпнул горсть смеси злаков, добавил ещё пару жменей бобов, а сверху зачерпнул пару ковшей воды деревянным черпаком из тывы-горлянки.

Котел стоял на огне, и следить за ним ежесекундно было не нужно, поэтому он вышел подмести курятник, сгребая помёт к подножию стены на хранение.

Зерно к зерну, а к началу весны отличное удобрение для огорода получится!

В другом углу двора под бамбуковым навесом было устроено вполне приличное маленькое помещение — обитавший там поросёнок уже проснулся и повизгивал в соломенном гнезде.

Тун Сю поспешно нарезал сорняков для свиней, смешал их с ряской, вчера выловленной из пруда, и отнёс поросёнку.

Услышав, что несут еду, поросёнок примчался со всех ног и принялся за уплетенное за обе щеки угощение.

Только вот в вес совсем не прибавлял — Тун Сю втайне тревожился об этом.

А ведь за этого поросёнка отдали пять цяней серебра, это большая часть доходов семьи за полгода!

Вся надежда была на то, что он быстро вырастет, большая свинья родит поросят, и пойдет бесконечный круговорот.

Кто бы мог подумать, что прошла целая зима, а поросёнок не вырос ни на цунь.

Говорят, в некоторых зажиточных домах свиней откармливают остатками человеческой еды, помоями.

Тун Сю вздохнул.

Своей семье еды не хватает, откуда тут ещё и свиней баловать?

Всё это драгоценное зерно, его и для себя жалко, даже если оно есть.

Пока он размышлял об этом, то с помощью лопаты перекопал землю в маленьком хлевке, делая её более мягкой и рыхлой.

К тому моменту, как он закончил со всем этим, уже совсем рассвело, а из кухни донеслось бульканье.

Беда!

Тун Сю бегом бросился обратно и увидел, что матушка Тун уже с крышкой в руках: вода хоть и выплеснулась через край, но огонь, к счастью, не залила.

— Погляди-ка на тебя, обзавёлся семьёй, а всё такой же непутёвый! — с упрёком произнесла матушка Тун.

Тун Сю с улыбкой прижался к ней боком, притиснувшись к её руке:

— Это потому, что меня матушка любит...

Мать и сын, ластясь друг к другу, грелись у печки, время от времени помешивая кашу в котле.

Они поболтали о всяких домашних делах, об управлении мужьями и прочих женских секретах, но в конце концов матушка Тун оказалась человеком не слишком терпеливым.

Вскоре её брови сошлись на переносице, а взгляд стал суровым.

— Солнце уже поднялось, а тот, что у тебя в комнате, всё ещё не встал?

— Эм... — Тун Сю не нашёлся, что ответить.

Матушка Тун рассердилась еще сильнее:

— Он что, явился в наш дом как важный господин? Какая это новоиспеченная жена спит до тех пор, пока солнце не припечет спину? Не думает же он, что вчерашним делом взял нас в оборот, и теперь мы должны из благодарности прислуживать ему как божеству?

Тун Сю устался на собственный нос и кочергой принялся ворошить угли в топке.

Видя его покорный вид, матушка Тун закипела ещё больше. Ругать сына ей было жалко, оставалось лишь досадовать на его бесхарактерность:

— Сю-эр, он же твоя жена, тебе положено быть главой семьи, прояви же характер! Ранним утром — ты за всё берёшься? Всё это — обязанности твоей жены, а он — гляди-ка, дрыхнет вовсю!

Тун Сю вздохнул и поднялся.

— Забыл принести воды! — выпалил он.

И, схватив два ведёрка, стремглав выбежал во двор.

Матушка Тун со злости затопала ногами в избе.

В комнате Суй Чжунь, разбуженный ни свет ни заря хрюканьем свиней и кудахтаньем птицы, медленно пришёл в себя.

М-да... Как же холодно!

Суй Чжунь зябко ёжжился, и его мозг мгновенно прояснился.

В момент обморока он ничего не соображал, но теперь, проснувшись, осознал, что одеяло тонкое и ледяное — прямо-таки термоизоляция Шрёдингера, и трудно было представить, как он вообще смог проспать под ним всю ночь.

К тому же, приподняв одеяло, он обнаружил, что совершенно голый!

Неизвестно откуда в комнате сквозило, и стоило подуть холодному ветру, как по всему его телу побежали мурашки.

Он тут же громко чихнул.

Матушка Тун словно пряталась под чужой кроватью: стоило Суй Чжуню приподнять одеяло, как она тут же услышала.

А уж когда он чихнул, она и вовсе не смогла сдержаться и ворвалась внутрь.

— Наконец-то соизволил проснуться? — выдала она с издевкой.

— Ага, — отозвался Суй Чжунь.

Не то чтобы он не хотел сказать больше, просто в горле невыносимо першило, и на сердце легло дурное предчувствие.

Однако матушка Тун, услышав это простое «угу», и без того не слишком довольная, рассердилась ещё пуще, и её брови тут же сошлись на переносице.

Ишь ты, новая жена ещё и недовольные гримасы строит свекрови!

Видать, без установления жёстких порядков тут не обойтись!

— Что, сладко спалось под одеялом? Я бы тоже не прочь так понежиться, да только доля у меня горькая: с самого утра кручусь то там, то здесь, — её слова звучали как скрытые кинжалы.

Суй Чжунь открыл рот, но не смог вымолвить ни слова.

<http://bllate.org/book/19375/1893800>